

гантскому черепу, который не пробивает наискось попавшая штуцерная пуля! Минуту или двѣ, мы оба, т. е. якъ и я, оставались неподвижны, звѣрь только помахивалъ хвостомъ, но не измѣнялъ своей позы и не подвигался впередъ; затѣмъ, опустилъ хвостъ и приподнялъ голову — знакъ, что раздраженное состояніе начало успокоиваться. Тогда я рѣшилъ отступать и, пригнувшись къ землѣ, поползъ прочь, не спуская глазъ со звѣря. Шаговъ черезъ пятьдесятъ я выпрямился и пошелъ быстрѣе; якъ же продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ и только поворачивалъ головою по мѣрѣ того, какъ я дѣлалъ круговой обходъ по узкой долинѣ. Лишь удалившись шаговъ на двѣсти отъ звѣря, я вздохнулъ свободнѣе и быстро направился къ своему бивуаку, давши мысленно клятву всегда брать съ собою на звѣриную охоту въ Тибетѣ запасную пачку патроновъ. Мѣдныя гильзы послѣднихъ, въ достаточномъ количествѣ разбросанныя нами по горамъ и долинамъ сѣв. Тибета, много лѣтъ еще будутъ напоминать туземцамъ, случайно находкою, о томъ, что здѣсь нѣкогда путешествовали и охотились европейцы.

Кратковременная дорога.

Двое сутокъ дневали мы въ долинѣ Муръ-усу; затѣмъ пошли вверхъ по этой рѣкѣ довольно торною дорогою, пробитою караванами богомольцевъ и частію торговцевъ, слѣдующихъ изъ Снина въ Лхассу и обратно. Радовались и уповали мы, что дорога эта теперь не потеряется и что дальнѣйшій путь нашъ будетъ сдѣланъ не наугадъ. Но надежды эти скоро рушились. Черезъ тридцать верстъ отъ Думбурегола соблазнительная дорога исчезла — ее замели пескомъ и пылью вѣтры пустыни. Въ то же время и Муръ-усу круто повернула къ югу и вошла въ горы. Пришлось снова посылать разъѣзды. По счастью, мы теперь уже напрактиковались въ мѣстной оріентировкѣ, и по самымъ ничтожнымъ примѣтамъ могли довольно вѣрно оцѣнить то или другое направленіе пути. Такъ было и теперь. Разъѣздъ направился на западный уголь горъ, которыя стояли поперекъ Муръ-усу — и истинный путь былъ найденъ.

Трудности пути.

Но прежде, чѣмъ продолжать свое дальнѣйшее движеніе, мы должны были избавить себя отъ лишнихъ вьюковъ, такъ какъ наши верблюды, истомленные огромною высотой, холодами, иногда безкормицею, начали сильно портиться; четверо изъ нихъ уже издохли или такъ устали, что были брошены на произволь судьбы. Изъ пяти верховыхъ лошадей, одна также издохла; остальные едва волокли ноги. Рѣшено было оставить четыре вьюка съ звѣриными шкурами, собранными на пути отъ Цайдама. Шкуры эти, упакованныя въ мѣшки, спрятаны теперь были